

наша русь

ВЛЕСОВА

КНИГА

**ТРОЯНСКИЙ
КОНЬ**

НОРМАННИЗМА

Сборник статей
Виктор Михайлович Чернов
Влесова книга. Троянский
конь норманнизма
Серия «Наша Русь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9368101

Влесова книга. Троянский конь норманнизма/ Чернов В.М.: Алгоритм;

Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0533-7

Аннотация

Влесова книга, с момента ее открытия в середине XX века, стала неперенным спутником практически любого научно-популярного труда по истории Древней Руси. Особенно она популярна среди патриотически настроенных писателей и любителей отечественной истории, считающих ее наилучшим доказательством глубокой древности русского народа. И мало кто из нас задумывается, что именно Влесова книга стала тем троянским конем нашей истории, который исподволь подтверждает подлинность антирусской норманнской теории. Это становится ясно, если непредвзято прочесть и саму Влесову книгу, и те научные работы, которые посвятили ей такие

известные российские ученые-историки, как А. Г. Кузьмин, Б. А. Рыбаков, О. В. Творогов и которые вошли в данную книгу.

Содержание

Всеволод Меркулов, кандидат исторических наук	5
С. Я. Парамонов	18
Конец ознакомительного фрагмента.	40

В. М. Чернов

Влесова книга. Троянский конь норманнизма

**Всеволод Меркулов,
кандидат исторических наук**
**Влесова книга: троянский
конь норманнизма**

Влесова книга... Это название хорошо знакомо всем, кто так или иначе обращается к древнерусской истории. У специалистов-историков оно вызывает однозначную реакцию: подделка. Да и написано об этом немало, каждый желающий может проверить. Однако среди читателей исторической литературы и любителей древности остается немало тех, кто склонен видеть во Влесовой книге уникальный источник, который будто бы намеренно не вводят в научный оборот ученые. С одной стороны, это вопрос общего кризиса гуманитарного знания в современной России, с другой – даже увлеченные люди должны хорошо понимать, с чем они имеют дело, беря в руки то или иное издание Влесовой книги.

Отечественные историки уверены, что в случае с Влесовой книгой мы сталкиваемся с фальшивкой, причем выполненной довольно кустарно. Их критика, весьма убедительная, обращена, конечно, не только на Влесову книгу, но и на само явление – без должной оценки принимать разного рода «сенсации». Ведь когда-то и Влесова книга была представлена как одна из таких сенсаций. Как же, «потерянная» история славян с самых древнейших времен, да на загадочных дощечках, которые таинственно исчезли, написанная особенным письмом, и как будто с ответами на самые важные исторические вопросы. А тайна, как известно, всегда привлекает неискнушенного читателя. Особенно такого, у которого со школьной скамьи сложилось недоверие к «официальной» истории из учебников, ведь иные учителя способны хорошо потрудиться, чтобы накрепко отбить интерес к своему предмету.

В итоге научная критика отнюдь не уменьшает количество сторонников Влесовой книги. Тому есть немало причин. И авторитет научного мнения в обществе несравненно упал. И доносится это мнение не так ярко, как представлены сюжеты Влесовой книги, способные отлично вписаться в ряд фэнтезийных бестселлеров. Да и люди часто просто хотят верить... Хотя на практике оказывается, что от Влесовой книги не сохранилось ничего исходного. Вместо десятков дощечек, лишь одна – и та в сфотографированной прописке на бумаге (то есть, и ее нет). Концы в воду. «Пере-

водчики» и «исследователи» Влесовой книги соревнуются в том, чтобы по-разному разбивать и трактовать слова переписанного «оригинала». С данными различных научных дисциплин возникает сплошное противоречие, которое невозможно преодолеть.

Влесова книга – это, безусловно, произведение своего времени. Только это время – первая половина XX века. Письменный текст произведения, претендующего на тысячелетнюю древность, был впервые опубликован в 1950-е годы русскими эмигрантами Ю. П. Миролюбовым и А. А. Куром (Куренковым) в Сан-Франциско. Собственно, эта история хорошо известна, как и последовавшие за ней споры.

Но вот что странно. Влесову книгу никогда не рассматривали в контексте «норманнской» проблемы. Сколько разных идей и мыслей было высказано по ее поводу, а тут – почти полное молчание. Отнести ли Влесову книгу к норманнизму или к антинорманнизму? Чья это мистификация?

Обычно про «норманнскую теорию» всегда вспоминают, когда речь заходит о древнерусской истории. Казалось бы, Влесова книга относится к той же тематике. Но с норманнизмом ее никто не связывает. Скорее, наоборот, потому что ее популяризаторы были наивными критиками «норманнской теории». Между тем, в наши дни норманнизм, как околону научное явление, стал довольно многообразным, зачастую даже отрекаясь от своих корней и основных идеологов. Однако от главного постулата, состоящего в том, что варяги –

это древние скандинавы, викинги, норманнизм не может отказаться. Иначе он просто лишится своей сути, стержня и окончательно отойдет в область политических мифов прошлого.

Чтобы увидеть, как пересекаются сюжеты Влесовой книги с основными тезисами «норманнской теории», нужно обратиться к «первоисточнику». В качестве последнего будем использовать цитаты из Влесовой книги по «классическому» «переводу» небезызвестного Александра Асова (Источник: Лесной С. Откуда ты Русь? Ростов-на-Дону, 1995. С. 283–340). Начнем...

«Как умрешь, ко Сварожьим лугам отойдешь, и слово Перуницы там обретешь: «То не кто иной – русский воин, вовсе он не варяг, не грек, он славянского славного рода, он пришел сюда, воспевая Матерь вашу, Сва Матерь нашу, – на твои луга, о великий Сварог!»

В этом художественно-поэтическом описании наглядно показано, что варяги Влесовой книги не являются ни русами, ни славянами. Подробнее пока не уточняется, но дальнейший сюжет еще больше обособляет варягов:

«Мы имеем истинную веру, которая не требует человеческих жертв. Это же делается у варягов, приносящих такие жертвы и именующих Перуна – Перкуном. И мы ему прино-

сили жертвы, но мы смели давать лишь полевые жертвы, и от трудов наших просо, молоко, жир... Боги русские не берут ни жертв людских, ни животных, только плоды, овощи, цветы и зерна, молоко, питную сурью, на травах забродившую, и мед, и никогда живую птицу, рыб. И это варяги и эллины дают богам жертву иную и страшную – человеческую. Мы же не желали делать это, так как мы сами – Дажьбоговы внуки и не стремились красться по стонам чужеземцев».

Получается довольно занятно. Итак, варяги – это не русы (что прямо противоречит летописным данным) и даже не славяне. Из Повести временных лет: «И пошли за море к варягам, к руси... И от тех варягов прозвалась Русская земля».

А раз уж жили без человеческих жертвоприношений, то совсем непонятно, кто же все-таки убил двух варягов-христиан в Киеве в 978 году: «И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отрока и девицу, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе

боги, так принесем же жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны руками из дерева. Бог же один, ему служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же, взяв оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сених с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?». И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили» (Повесть временных лет).

Впрочем, про жертвоприношения у русов писал даже византийский император Константин Багрянородный в своей книге «Об управлении империей»: [В устье Днепра росы] «совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай». Конечно, можно счесть, что это всего-навсего кровавые жертвы варяжскому, неславянскому Перуну.

Тогда и князь Святослав не мог быть ни русом, ни славянином. Вспомним, как византийский хронист Лев Диакон

описывал языческий ритуал воинов Святослава после понесенного в бою поражения: «...И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра».

В общем, вопреки известным документам, но согласно Влесовой книге, варяги – это люди совершенно иного, чуждого культурного круга по отношению к славянам. Приносят человеческие жертвы, не имеют «истинной веры». Что же это за культурный круг? Читаем дальше.

«И вот другой враг Германарех пришел на нас с севера. Он внучатый внук Отореха. Новые враги с рогами на лбах на нас напали. А варяги говорят нам, чтобы мы шли на них. Но мы не станем воевать на оба поля, ведь (и варяги, и готы) – враги, и мы не можем разделить между ними – кто из них первый».

Из этого фрагмента о варягах Влесовой книги можно получить больше информации. По всей видимости, здесь имеется в виду «держава Германариха» в Северном Причерноморье и на территории нынешней Южной Украины и Нижнего Дона. Это один фронт («поле»), против которого вою-

ют влесовокнижные славяне. Другой фронт – варяжский, по логике, он должен оказаться «северным». Да и упоминание готов и варягов в одной связке весьма показательно. Не иначе как и те, и другие – «германцы», «скандинавы». Вот тут-то на арену выходит князь Рюрик.

«И вот пришли варяги к Днепру, и забрали землю нашу, и увели людей. И земля теперь под ними... Не угоняйте людей! А если не согласитесь на это, испробуете наши мечи. Отвадьте Рюрика от земель наших, гоните его с глаз долой туда, откуда пришел. И вот границы наши врагами сокрушены, и землю нашу попирает враг. И это обязанность наша (защищать землю), и мы не желаем иной рати».

Довольно эмоциональный фрагмент, в котором Рюрик выступает врагом влесовокнижного славянства. Такой вот неожиданный поворот. Как отнестись к этому фрагменту? Кажется, это какая-то гремучая смесь из романтического антинорманнизма в стиле «спасите славянских людей от Рюрика» и классического норманнизма – варяг Рюрик огнем и мечом покоряет несчастных славян. Второй, фактически норманистский сюжет в полной мере разворачивается в последующем повествовании.

«До этого времени пришли в Киев варяги с торговцами и побили хазар. Хазары же обратились к Скотеню, чтобы он

оказал им помощь. Но Скотень это отверг и сказал, что вы сами себе поможете, а также то, что им в Русколане нечего делать около нас... Тогда вражья сила пришла на земли Воронежца. В древности Воронежец этот много веков строился и был огражден от окрестных нападений. (И тогда) варяжцы приходили к Воронежцу брать его, и так стала Русь отгороженной от запада Солнца. И некоторые пошли к Сурье на юг отвоевывать Сурож-град... у моря, где греки имели укрепленный град Сурожь».

Отбрасываем «скотеней», «русколань», «сурью» – и что получаем в сухом остатке? Занимательную историю взаимоотношений варягов с хазарами. До боли знакомая, надо сказать, история. И тут облик современного норманнизма проявляется уже во всей своей красе. Конечно, варяги не называются скандинавами, да и не мог себе такого позволить автор текста Влесовой книги. Но контекст очень узнаваем. Однако прежде чем раскрыть его – приведем еще один показательный фрагмент из «перевода» Асова.

«И вот прошли две тьмы, а за этими двумя тьмами пришли варяги и отобрали землю у хазар, на которых мы работали и кому платили дань».

Оказывается, варяги (уже так и напрашивается назвать их «викингами») делили с хазарами «сферы влияния».

Несчастливые «славяно-русы» лишь работали и платили дань, то одним, то другим, будучи, по всей видимости, неспособными ни к чему иному. Узнаете торчащие уши? Классический, кристальный норманнизм образца первой половины XX века. Тот самый норманнизм, который в свое время оказал влияние на многих – ни Миролюбов, ни Кур, ни другие ревнители Влесовой книги, кажется, не избежали этого влияния. Через кого-то из них оно отразилось и в сочиненном тексте, стилизованном под «древнеславянский язык» и получившем красочное название «Влесова книга». В других вариантах – Велесова книга, Влескнига или попросту «Дошки Изенбека» по фамилии белогвардейского полковника, который их будто бы нашел.

Предполагаемый раздел «сфер влияния» между викингам, которых подменяют именем варягов, и хазарами – это ключевой мотив древнерусской истории по версии норманистов. Правда, мотив, уже отживший и изрядно потрепанный, хотя еще встречающийся в литературе. Возьмем, к примеру, статью В. Я. Петрухина «Славяне, варяги и хазары на юге Руси» (Сб. Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 г. М., 1995. С. 117–125). Вот цитата, удивительным образом сочетающаяся с Влесовой книгой:

«А. П. Новосельцев предположил, что призвание варягов-руси словенами, кривичами и другими племенами Севера

было вызвано хазарской угрозой. Трудно сказать, насколько реальными были претензии Хазарского каганата на Север Восточной Европы... Более очевидными были претензии руси, чьи правители уже в IX в. именовались титулом «каган». Призвание князей с дружиной – русью, по летописи, завершилось упрочением варяжской династии на Севере и, стало быть, распределением сфер влияния в Восточной Европе».

В Википедии, которая в отношении истории является источником весьма незатейливым, находим отражение той же идеи, с уточнением до конкретных годов: «858–860. Варяги и хазары делят сферы влияния. Варяги берут дань с чуди, славян, мери и кривичей, а хазары – с полян, северян, вятичей». То же самое писал, кстати, «евразиец» Л. Н. Гумилев, не сильно заботившийся о подтверждении своих гипотез. Но «подтвердить» может, собственно, Влесова книга.

Автор Влесовой книги был человеком, бесспорно, увлеченным. Это был романтик, славянофил, искатель, неудовлетворенный многими белыми пятнами ранней русской истории. Возможно, кто-то из эмигрантов, скучающих по родине. Иными словами – тот, кому не хватало «драйва» на фоне скудных и нередко противоречивых свидетельств источников, сложных научных постановок, требующих широкого кругозора. Совершенно точно, что это не был профессиональный историк. Но, вероятно, человек начитанный, знавший многие современные ему исторические труды. Как след-

стве, автор Влесовой книги отразил в произведении и некоторые стереотипы. Они казались ему очевидными, поэтому с легкостью были внесены в текст, претендующий на роль «древнейшей летописи». Так во Влесову книгу попала знаменитая норманнистская гипотеза о разделе «сфер влияния» между викингками (норманнами) и хазарами, постулат о том, что Рюрик – безродный завоеватель и т. д. А вот прямо называть влесовокнижных варягов «скандинавами» автор не решился – видимо, знал, что название «Скандинавия» пришло из средневековой латыни и никак не могло употребляться в «архаичном» славянском источнике. Как видно, на чужбине романтизм может зайти довольно далеко. И это, конечно, трагедия.

Мог ли автором Влесовой книги быть Александр Александрович Кур (Куренков), впервые опубликовавший ее в журнале «Жар-птица»? Участник гражданской войны, георгиевский кавалер, белоэмигрант, он увлекался языкознанием, религией, искал первоисточники по истории русского народа. Мог ли им быть Юрий Петрович Миролюбов? Тоже писатель-эмигрант, служил в армии Деникина, редактировал журнал «Жар-птица», был автором художественных рассказов, стилизованных под народные языческие предания «от прабабки Варвары». Мог ли быть кто-то другой? Возможно... Но этот автор точно жил не тысячу лет назад, а, скорее всего, в прошлом веке. Что ж, прошло не так много времени.

Нынешние норманнисты с удовольствием укажут на меч-

тателей, увлеченных славянскими образами. Укрепятся за их счет на собственном постаменте. А главное, именно они используют Влесову книгу для дискредитации любой концепции, посягающей на основы самого норманнизма. Очень удобно предлагать мнимый выбор – либо «скандинавское происхождение» варягов, либо историческая фальшивка и малоприятный титул «научного фрика». Увы, многие простаки пока подыгрывают и проигрывают в этой игре в одни ворота.

Влесова книга – это настоящий троянский конь норманнизма, поскольку норманнистские идеи встроены в нее с самого начала, скрыты под псевдославянскими художественными образами. Вольно или невольно – сегодня это уже не так принципиально.

Завершая этот очерк, подумалось, а вдруг кто-то скажет вроде «Асов перевел не так», «нужно правильно перевести Влесову книгу и все станет на свои места». Бросьте. Давайте лучше поговорим о чем-то менее грустном.

С. Я. Парамонов

Что мы знаем о «Влесовой книге»?

Название. «Влесовой книгой» пишуший эти строки называл языческую летопись, охватывающую историю Руси от 1500 лет «до Ди́ра», т. е. приблизительно от 650 г. до н. э., и доведенную до последней четверти IX в. Она упоминает Рюрика и главным образом Аскольда, но ни слова не говорит об Олеге. Этим самым время ее написания устанавливается сравнительно очень точно.

Летопись была написана на деревянных, очень древних, значительно разрушенных временем и червем дощечках. Найдена была полковником А. Изенбеком и получила название «дощечек Изенбека».

Однако дощечки – одно, а произведение, написанное на них, естественно, должно иметь свое собственное название. Так как в самом тексте произведение названо «книгой», а Влес упомянут в какой-то связи с ней, – название «Влесова книга» является вполне обоснованным.

История находки. В 1919 г. полковник Изенбек во время наступления армии Деникина на север нашел в одном из разграбленных имений где-то в Курском или Орловском направлении в разгромленной библиотеке странные дощечки, испещренные неизвестными письменами. Будучи в мирное

время художником и участником археологической экспедиции Академии наук в Туркестане, Изенбек заинтересовался ими и подобрал их и осколки, лежавшие на полу.

Несмотря на все попытки автора этих строк установить имя владельцев имения и дощечек, сделать это до сих пор не удалось, хотя рейд артиллерийской батареи, которой командовал Изенбек, вероятно, еще установим по военным документам и воспоминаниям его участников.

Дальнейшая судьба дощечек. После долгих мытарств А. Изенбек поселился в Брюсселе. Около 1925 г. с ним познакомился Ю. П. Миролюбов, которого во время случайного разговора Изенбек поставил в известность о существовании дощечек. Ю. П. Миролюбов заинтересовался ими. Скоро стал понимать неизвестный алфавит и занялся в помещении Изенбека транслитерированном тексте дощечек на наш алфавит.

Изенбек был довольно ревнив к дощечкам и не позволял их выносить из своего помещения. Но особого интереса к ним не проявлял, видя в них какой-то курьез и не придавая им особого значения. О существовании дощечек знали весьма немногие. В их числе – профессор Брюссельского университета Экк и его ассистент. Их предложение взяться за изучение дощечек было Изенбеком отклонено.

Ю. П. Миролюбов занялся реставрированием некоторых полуистлевших дощечек, впрыскивая отвердевший раствор, а также перепиской текста, надеясь найти материал для заду-

манной им литературной работы о Древней Руси. Большинство дощечек было переписано, но некоторые стороны их по неизвестным причинам переписаны не были. Ю. П. Миролюбов пытался сам разобраться смысл написанного на дощечках, но особенного успеха в этом не имел и, по-видимому, потерял интерес к дощечкам.

В августе 1941 г. А. Изенбек во время оккупации Брюсселя немцами умер. Изенбек был одинок, наследников у него не было. Лицо, которому было доверено кураторство имуществом Изенбека, особого рвения не проявляло. В результате часть имущества, в том числе и дощечки, исчезла. Впрочем, в те времена было не до сохранения чужих имуществ. Каждый заботился больше о сохранности собственной жизни.

Таким образом, «дощечки Изенбека» в настоящее время утеряны. Вернее всего, навсегда. Все, что от них осталось, – это записи Ю. П. Миролюбова и одна фотография (есть, однако, смутные данные о существовании еще нескольких).

Судьба текста Ю. П. Миролюбова. В условиях войны и дальнейшей разрухи Ю. П. Миролюбову было, конечно, не до «дощечек Изенбека» – опасность не раз угрожала его жизни. В 1953 г. слухи о существовании дощечек дошли до А. А. Кура (генерала Куренкова), и он опубликовал в журнале «Жар-птица» письмо-обращение к читателям: не знает ли кто-нибудь что-то достоверное о дощечках. Ю. П. Миролюбов ответил (письмо опубликовано), сообщив необходимые сведения, и охотно стал пересылать А. А. Куру тек-

сты для обработки. А. А. Кур начал изучать их и печатать о них с января 1954 г. отдельные статьи в журнале «Жар-птица». К сожалению, научного значения эти публикации не имели: журнал издавался на ротаторе, а потому все статьи могли считаться «на правах рукописи». Кроме того, тексты дощечек пестрели опечатками, не передавали оригинальных начертаний со старославянской «е», а также с «і» и т. д. и не удовлетворяли элементарным научным требованиям. Наконец, А. А. Кур публиковал лишь отрывки, у которых не было ни начала, ни конца.

В этих условиях, конечно, никто отнестись серьезно к «дощечкам Изенбека» не мог: документа налицо не было, а сам оригинал документа был доступен всего лишь одному А. А. Куру. Все могло оказаться фальшивкой или мистификацией. А. А. Кур же и Ю. П. Миролюбов, будучи любителями, этого не понимали и даже негодовали на такое игнорирование их работы. Удивляться этому было нечего: журнал «Жар-птица» был малоизвестным изданием, с малым тиражом, которого уже через год нельзя было достать в продаже. Отсутствовал он и в библиотеках. Поэтому если кто и заинтересовался, то сталкивался с невозможностью приобрести экземпляр журнала. Только случайно, благодаря любезности А. А. Кура, автору этих строк удалось получить комплект статей А. А. Кура и сделать с них фотокопию.

С марта 1957 г., однако, в том же журнале, но уже печатавшемся в типографии, началось систематическое опубли-

кование текстов дощечек, продолжавшееся до мая 1959 г. включительно. В конце 1959 г. журнал прекратил свое существование, и с тех пор, насколько известно, ни А. А. Кур, ни Ю. П. Миролюбов дальнейших текстов не опубликовали. Таким образом, «Влесова книга» целиком не опубликована, напечатано приблизительно лишь 3/4 ее.

Начало изучения «Влесовой книги». «Влесова книга» стала изучаться, в сущности, с 1957 г., когда стали публиковаться оригинальные тексты дощечек с примечаниями А. А. Кура и Ю. П. Миролюбова, а также главы, посвященные им, в книге Сергея Лесного – «История «руссов» в неизвращенном виде» (№ 6 – 1957, № 7 – 1958, № 8 – 1959, № 10 – 1960). Весьма далекие от совершенства, эти статьи все же дают основу для серьезного отношения к «дощечкам Изенбека».

Кроме работ этих авторов, публикаций исследовательского характера, были еще отдельные газетные и журнальные статьи, носившие, однако, только осведомительный характер. Ничего суммарного, подводящего итоги, еще не опубликовано. Удивляться этому нечего: дощечки были найдены любителем, не понимавшим их значения. Для него это была достопримечательность, которой можно было при случае похвастаться, и более ничего. Дощечки поэтому не были ни сфотографированы, ни переданы компетентному лицу для изучения.

Ю. П. Миролюбов, которому мы, в конце концов, обязаны всем, что имеем, не был наделен возможностью распоряжаться чужим имуществом. В условиях жизни эмигранта, в обстановке войны 1939–1945 гг., затем эмиграции в США ему было не до дощечек. Став в США редактором журнала «Жар-птица», он сделал все, что мог, для публикации дощечек. В несколько ином положении находился А. А. Кур: получив еще в 1954 г. текст Миролюбова, он не сделал того, что следовало сделать, именно – сфотографировать весь текст и разослать на хранение в главнейшие библиотеки: Лондон, Париж, Вашингтон.

Далее. Тексты следовало опубликовать елико возможно скорее. Будучи любителем и эмигрантом, он мог уделять изучению документов времени лишь урывками. В результате в журнале «Жар-птица», печатавшемся в типографии уже с 1956 г., за весь 1956 г. не появилось ни одной публикации текстов, хотя имелась для этого полная возможность. И в дальнейшем публикации задерживались, ибо ни текста, ни комментариев от А. А. Кура не поступало. Если бы текст Миролюбова был даром последнего А. А. Куру, то, конечно, кроме моральных претензий, мы не имели бы оснований упрекать в чем-либо А. А. Кура. Но текст Миролюбова был его даром Русскому музею в Сан-Франциско, поэтому мы вправе ожидать более внимательного отношения к общественной собственности.

В настоящее время положение таково, что за восемь лет

«Влесова книга» все же не опубликована, и мы стоим перед опасностью вообще остаться без ее конца. Конец текста не публикуется, а возраст А. А. Кура позволяет опасаться, что с текстом Миролюбова случится то же, что и с оригинальными дощечками. Если дощечки не сумели уберечь, то по крайней мере с копией их содержания следует быть достаточно благоразумными. Несчастливая судьба дощечек, однако, несколько не умаляет их научной ценности. Если до сих пор «Влесова книга» не попала в руки настоящих ученых, то это не значит, что она не заслуживает этого. К вопросу о ее подлинности мы и переходим.

Подлинность «дощечек Изенбека». Когда открывают какой-нибудь новый исторический источник, всегда появляется вопрос: не подделка ли он? В прошлом подделки встречались. Поэтому сомнение – неотъемлемая часть научного исследования. Рассмотрим все допустимые возможности. Подделывателем мог быть Изенбек, либо в его руки уже попала подделка.

Всякая подделка может иметь следующие побуждения. Подделыватель ищет либо денег, либо славы, либо, наконец, все это шутка, чтобы над кем-то посмеяться. Допустимо также, что все это – результат помрачения ума, но вероятность последнего столь мала, а логичность «подделки» столь велика, что это предположение должно немедленно отпасть.

Из того, что мы знаем, видно, что Изенбек не пытался ни-

кому продавать дощечки. Значит, соображения материального порядка несостоятельны – «дощечки Изенбека» не имеют к деньгам никакого отношения. Не искал Изенбек со своими дощечками и славы. Наоборот, мы лишь можем упрекнуть его, что он держал их почти в тайне и так мало способствовал тому, чтобы ученые заинтересовались ими. Кроме того, ни археологом, ни собирателем древностей он не был. Вообще о дощечках узнали только через 13 лет после его смерти: отпадает и второе предположение. Наконец, дощечки не могли быть и предметом шутки, ибо на их изготовление нужно было много месяцев упорного труда, что совершенно не оправдывает шутку. Если мы прибавим к этому, что Изенбек не знал хорошо славянских языков и вообще славянской древности, что дощечки от старости были частично испорчены и трачены шашелем, что, наконец, Изенбек ни над кем не пошутил, – становится понятным, что о подделке дощечек Изенбеком не может быть и речи.

Но, может быть, они попали в библиотеку настоящих хозяев уже будучи подделкой? Такая огромная по величине труда подделка могла попасть в библиотеку лишь путем покупки. Значит, какой-то из владельцев был заинтересован в подобных вещах и купил подделку. А если это так, то не мог он не показать дощечек другим и до 1919 г. не могли они укрыться от всеобщего сведения. Остается одно, наиболее правдоподобное объяснение: дощечки сохранялись в родовом архиве от поколения к поколению, но никто не понимал

их истинного значения и фактически никто о них ничего не знал, лишь разгром библиотеки выбросил их на пол, и они были замечены Изенбеком.

Самыми основательными доводами в пользу подлинности дощечек являются они сами и их письма. Как известно, всякая подделка имеет своей основной чертой стремление «подделаться» под что-то уже известное, уподобиться ему. Подделыватель употребляет все свои силы и знания, чтобы его произведение было похожим на что-то уже известное. В «дощечках Изенбека» ничего этого нет: все в них оригинально и не похоже на нам уже известное.

1. Хотя мы и не знаем, что в древности иногда писали и на дощечках, – это прежде всего дощечки, которые стали известными из истории всех стран вообще. Значит, надо было изобрести технику письма на дереве, которая фактически никому не известна в подробностях. Каждый фальсификатор, идя по этому пути, понимал, что он может попасться моментально, ибо не было уверенности, что его способ писания на дереве настоящий и что эксперты не обнаружат его подделки немедленно.

2. Алфавит, употребленный автором «Влесовой книги», совершенно своеобразный, хотя в основном и очень близкий к нашей кириллице. Ни один известный исторический документ не написан этим алфавитом – опять-таки факт, чрезвычайно опасный для подделывателя: подозрение вызывалось немедленно, а коль скоро оно появилось, могли найти легко

и другие его промахи.

Можно было скорее всего ожидать изобретения особого алфавита, а между тем это – примитивная, несовершенная кириллица, с разнобоем в ней, но без грецизмов, достаточно хорошо выявленных в настоящей кириллице.

3. Язык книги совершенно своеобразный, неповторимый, объединяющий в себе наряду с архаизмами, по-видимому, и новые языковые формы. Значит, и здесь поддельвателю грозила опасность попасться немедленно. Казалось, уж чего проще: пиши по-церковнославянски, так нет – «фальсификатор» изобрел особый язык.

4. Количество «поддельного» материала огромно – тратить такую уйму труда поддельвателю не имело никакого смысла. Было бы достаточно и десятой его доли, а между тем мы знаем наверное, что не все Изенбеку удалось подобрать и не все было переписано.

5. Некоторые детали текста указывают на то, что автор «Влесовой книги» дает версию, отличную от общепризнанной, вразрез с традицией. Стало быть, не следует линии «подделывания», он оригинален.

6. Имеются подробности, которые могут быть подтверждены лишь малоизвестными или почти забытыми древними источниками. Следовательно, фальсификатор должен был иметь тончайшее знание древней истории. При таких знаниях проще было быть известным исследователем, чем зачем-то неизвестным фальсификатором.

Итак, чтобы подделать «Влесову книгу», фальсификатор должен был сделать следующее.

1. Отработать технику писания на деревянных досках, причем так, чтобы буквы сохранялись сотни лет, ибо шашель заводится далеко не сразу.

2. Создать алфавит, который, несмотря на близость к кириллице, отличается от нее как отсутствием нескольких букв, так и формой, наличием их вариантов.

3. Изобрести особый славянский язык с особенной лексикой, грамматикой и фонетикой, обладая, несомненно, отличным знанием древних форм славянской речи.

4. Написать целую историю народа в его отношениях с добрым десятком иных народов – греками, римлянами, готами (годь), гуннами, аланами, костобоками, берендеями, ягами, хазарами, варягами, дасунами и т. д. Описать также взаимоотношения между рядом славянских племен – русами, хорватами, борусами, киянами, ильмерами, руссколунами и т. д. Составить особую хронологию и воссоздать множество событий, о которых мы ничего не знаем или слышали о них краем уха.

5. Изложить мифологию древних руссов, показать их миропонимание и религиозную обрядность, включая даже рецепт изготовления сырного напитка.

Кому могло прийти в голову даже косвенно заняться апологетикой язычества и нападками на христианство? Это могло лишь оттолкнуть покупателя дощечек от сделки, ибо пах-

ло чернокнижием.

Совершенно очевидно, что подобная колоссальная работа была не под силу одному человеку. А главное – не имела ни смысла, ни цели. Неужели фальсификатор был до того тонок, что сделал фальсификацию по крайней мере двумя почерками?

Нельзя также не обратить внимания на то, что все в летописи сосредоточено на Юге Руси, а о Средней и Северной нет, в сущности, ни слова. Почему? Ведь вполне естественно, что читателя будут особенно интересовать именно эти страницы. Исключая Среднюю и Северную Русь, «фальсификатор» не только уменьшал интерес к «подделке», но и сделал ее гораздо менее интересной политически. Почему? А просто потому, что летопись касалась исключительно Южной Руси, а о других ее частях не было и речи. К тому же не Киевская Русь была в центре внимания, не Днепр, а главным образом степи от Карпат до Дона, включая Крым. Летопись переполнена готами и гуннами.

Пойдем далее. Если автор был какой-то маньяк, решивший написать величественную историю доолеговской Руси, то почему о славных деяниях он говорит так мало? Наоборот, вся «Влесова книга» переполнена жалобами на раздоры и неурядицы между русскими племенами, а множество страниц прямо непомерно отягощены призывами к единству Руси. Это не панегирик, которого можно было ожидать, а скорее увещевание и даже отчитывание.

Никто не выдвинут на первый план. Все время идет лишь изложение событий: бесконечная борьба Руси с врагами. В одних случаях Русь побеждала, в других терпела жестокие поражения. В одном месте прямо сказано, что Русь трижды погибала, но восстанавливалась. И все это изложено в такой безличной, скучной форме, что о какой-то тенденциозности не может быть и речи. Вся книга посвящена памяти предков и судьбам своего народа. Нет ни малейшего намека на связь прошлого с известной нам историей.

Итак, если мы представим, что «Влесова книга» фальсификация, то не можем найти ни малейшего объяснения для создания ее в наши дни, в наши времена, будь это время рассматриваемо широко, хотя бы в пределах двух столетий. Очевидно, «Влесова книга» была просто реликвией, значение которой было утеряно. Она передавалась из рода в род, постепенно теряя все реальное, что было с нею связано, превращаясь из книги в какие-то старинные деревянные дощечки.

Возможно, кое-кто из владельцев и знал до известной степени, что она собой представляет, но не решался пробить толстую броню духовной лени, боясь стать посмешищем. Возьмем тот же настоящий момент. Вот уже более восьми лет, как открытие дощечек оглашено. Скажите: многие ли знают об этом, многие заинтересовались ими? А ведь дощечки должны были произвести сенсацию во всем культурном мире вроде атомной бомбы или искусственного спутни-

ка Земли или иной планеты: не шутка – найти историю неизвестной эпохи в 1500 лет!

Но могут, допустим, сказать, что «Влесова книга» подлинна, почему же о событиях, изложенных в ней, нет ничего в летописи Нестора? Почему до нас не дошли некоторые предания о праотцах (Богумире, Оре и т. д.)? Объясняется все очень просто. Во-первых, Нестор писал историю не столько Руси или Южной Руси, сколько династии Рюрика. Как показывает сравнение с Иоакимовской и 3-й Новгородской летописями, Нестор совершенно намеренно сузил свою историю. Историю Северной, т. е. Новгородской, Руси он почти обошел молчанием. Об Аскольде и Дире он, наверное, знал больше, чем сказано в «Повести временных лет». Но он намеренно опустил некоторые сведения (например, о смерти сына Аскольда и т. д.), которые все же проскользнули в другие летописи. Он был летописцем рюриковской династии, и в его задачи вовсе не входило описание других династий, поэтому он опустил историю Южной Руси, никакого отношения к рюриковской династии не имеющей. Во-вторых, и это самое главное, сведения о доолеговской Руси были сохранены языческими жрецами или лицами, явно враждебно настроенными против христианства. Пользование такими книгами было «грехом», чернокнижием, еретичеством и для богобоязненного монаха не могло не быть совершенно предосудительным. Именно монахи, подобные Нестору, уничтожали малейшие следы, напоминающие о язычестве. Нако-

нец, у нас нет данных, что содержание «Влесовой книги» было широко известно всем, а не только определенному кругу лиц, близких к язычеству. Поэтому требовать всезнайства от Нестора мы не можем. Не следует забывать, что «Влесова» книга писалась где-то около 880 г. (ее последние дощечки), а «Повесть временных лет» – около 1113-го, т. е. почти на 250 лет позже. А за такой срок многое было утрачено и в писаной форме, и в народной памяти.

Впрочем, что касается народных преданий, то они не совсем улетучились из народной памяти. Отзвуки их сохранились в некоторых источниках апокрифического характера, совершенно не исследованных и в обиход научной истории не вошедших. Кое-что имеется и в народных сказках. Невозможность найти их за границей заставляет нас пока этого вопроса не касаться. Но есть надежда, что кое-какие из них попадут в наши руки для обстоятельного исследования.

До сих пор мы приводили лишь логические доказательства в пользу подлинности «Влесовой книги». Нами найдено, однако, одно и фактическое. Дело в том, что все источники утверждают, будто в Древней Руси существовали человеческие жертвоприношения и что Русь поклонялась кумирам. «Влесова книга» категорически отрицает существование человеческих жертвоприношений, называя это ложью и наговорами греков. О кумирах она не говорит ни слова. Протест «Влесой книги» был настолько силен, что заставил нас обратиться к летописям и внимательно перечитать все, что

там есть о кумирах и жертвоприношениях. Выяснилось, что «Влесова книга» права: в летописи ясно сказано, что кумиры и человеческие жертвоприношения были новинкой, завезенной Владимиром Великим вместе с варягами в 980 г. И кумиры, и жертвоприношения людей просуществовали на Руси не более 10 лет. Во времена же писания «Влесовой книги» их не было. Они существовали у варягов, о чем «Влесова книга» говорит совершенно определенно (к подробностям мы вернемся немного позже).

Таким образом, «Влесова книга» доказала свою правоту и вместе с тем свою подлинность. Надо полагать, что по мере изучения книги найдутся и другие фактические доказательства, ибо истину не упрячешь.

Очевиден вывод: «Влесова книга», безусловно, документ подлинный.

Значение «Влесовой книги». Прежде чем приступить к самому исследованию, полезно будет ознакомиться в главных чертах со значением этого документа. Тогда станет понятна и некоторая скрупулезность, ибо ценны каждая буква, каждое слово, и нужна сухая методичность, так как это не литературный вымысел, и, наконец, осторожность, потому как дело идет о вещах крупнейшего культурного значения. Придется подступаться исподволь, ощупью, постепенно и с большим терпением, чтобы не наделать ошибок. И автор надеется, что читатели внесут свою лепту в дело расшифров-

ки загадочных мест. В таком общенациональном виде не до местничества.

По своему значению «Влесову книгу» можно сравнить лишь с «Повестью временных лет», с той только разницей, что она излагает 1500-летнюю историю народа из отрезка времени, от которого ничего писаного не осталось. Мы отметим следующие, особо важные пункты значения «Влесовой книги».

1. Это совершенно новый исторический источник, при том большого объема. Это настоящая летопись, оригинальный уникум, а не копия. Сообщает она нам много до сих пор неизвестного либо освещает уже известное в значительно ином аспекте. Так, например, она говорит о скотоводческой фазе развития хозяйства русского народа, предшествовавшей более новой, земледельческой. Она излагает неведомые нам доселе события, упоминает народы, о которых мы и не слышали до этого, новые лица и хронологические данные. Ее данные заслуживают особого внимания уже потому, что в ней трактуется об эпохе, от которой почти или вовсе ничего не сохранилось. Не мелкие, ускользнувшие от внимания летописцев подробности предоставляет «Влесова книга», а данные о целой эпохе, совершенно отсутствующие в нашей истории. И сведения эти опять-таки касаются не узкого временного отрезка, а составляют развернутый обзор истории Руси, как он виделся русу середины IX в. «Влесова книга» начинается с безымянного славянского (вернее, русского) Ада-

ма и охватывает историю Руси по крайней мере с половины VII в. до н. э. и до половины IX в. н. э. Наша история получает некоторую солидную базу и становится понятной в контексте историй других народов.

До сих пор наша история, начинавшаяся с IX в. н. э., являлась какой-то необоснованной, повисшей в воздухе, без начала. Вдруг почему-то около 860 г. возникал народ, о котором начинала говорить история. Народ большой, занимавший множество земель. Русь уподоблялась Афине Палладе, мгновенно возникшей из головы Зевса. Эта ненормальность теперь устраняется: история Руси удлинится по меньшей мере на 1500 лет, т. е. на срок, действительно достаточный для развития и расселения большого народа.

2. «Влесова книга» содержит совершенно новые и оригинальные данные о религии наших предков. Иными словами, она много дает для истории религий и понимания славянского мировоззрения. Ибо несомненно, что как минимум 2000 лет языческого миропонимания не могли не отразиться на складе и характере культуры славянина-руса.

О религии наших предков мы до сих пор почти ничего не знали. По крайней мере прямо. Все известное собиралось косвенно. Не сохранилось ни одного языческого источника. Все, что мы имеем, – это пересказы из христианских рук. В этих пересказах, во-первых, не все точно, а во-вторых, не без намерения искажено, так как делалось в разгар ожесточенной борьбы. И очернение противника было одним из мето-

дов борьбы с ним. О религии предков мы можем лишь догадываться из запрещений христианской церкви: не делать того, другого. Но почему это делалось язычниками, мы не знаем точно, можем лишь предполагать. А это путь не всегда верный и безупречный.

Кое-что мы можем узнать из сравнения с известным о верованиях других славянских племен. Но недаром французская поговорка гласит, что «сравнение и сходство – это еще не доказательство». «Влесова книга» замечательна тем, что она написана язычником, который сам пишет о своей религии и защищает ее от нападков христиан. Он категорически утверждает, что человеческие жертвоприношения были совершенно чужды религии руссов, но имели место у варягов, называвших Перуна Перкуном. В верованиях древних руссов открывается совершенно особый, оригинальный мир представлений о богах, о жизни и смерти, о правилах поведения и т. д. Хотя все это излагается попутно и недостаточно подробно, многое позволяет сделать довольно хорошо обоснованные умозаключения, так как мы имеем дело с материалом оригинальным и изложенным в различных формах и вариантах, что дает возможность для сравнения. Одна же дощечка целиком содержит языческое «кredo».

Основным выводом является то, что религия наших предков была не политеистична, а монотеистична. Признавался единый бог, но он был троичен в лицах, остальные были мелкие божки.

3. «Влесова книга» – необыкновенно ценный документ для изучения истории языка. Как известно, все самые древние дошедшие до нас источники письменности, во-первых, сравнительно поздние (древнейшие относятся лишь к X в.), во-вторых, происходят не с территории Руси, в-третьих, все религиозного характера, отражая собой не обычную разговорную речь, а специфически религиозную и к тому же, наверное, не на диалекте Киевской Руси. Наконец, в наших руках имеются только небольшие отрывки, и достаточного понимания состава и форм древней речи мы из них получить не можем. «Влесова книга» же – оригинальный документ, созданный, несомненно, на Руси и состоящий по крайней мере из текста до 3 печатных листов. Это дает значительно более полное представление о языке и его формах. Язык ее, безусловно, гораздо ближе к разговорной речи, чем язык религиозных христианских отрывков. Напомним, что летопись Нестора была написана около 1113 г. и дошла в гораздо более позднем списке. Таким образом, язык «Влесовой книги» не менее чем на 250 лет старше языка несторовской летописи, а ее первые дощечки, вероятно, на века древнее.

4. «Влесова книга» – показатель высоты культуры в IX в. Существовала не только своя письменность, представлявшая собой упрощенную и видоизмененную греческую. Но существовала и писаная оригинальная история своего народа. Русь IX в. была уже не варварской страной, а культурной, интересующейся своим прошлым и знающей его. Она уже

прошла стадию истории в устах сказителей и переходила в стадию истории научной. «Влесова книга» совершенно разрушает ошибочные утверждения о примитивности культуры Южной Руси в IX в.

Еще о дощечках Изенбека. Что представляли собой «дощечки Изенбека»? На вопрос автора этих строк Ю. П. Миролюбов в письме от 11.11.1957 г. ответил следующее (дается в извлечении): «Первые дощечки я видел вот при каких обстоятельствах в двадцать пятом году. Встретились мы с Изенбеком у церкви на рю Шевалье в Брюсселе, и он меня пригласил к себе в ателье посмотреть картины... Я заговорил о том, что мы живем за границей и что нет у нас под рукой никаких источников, а что мне нужен «язык эпохи», что я хотел бы писать эпическую поэму о Святославе Хоробре, но ничего нигде не могу о нем даже приблизительно похожего на упоминание найти!..

– А зачем тебе «язык эпохи»? – спросил он.

– Как же? Ты пишешь, тебе нужны мотивы орнаментов Туркестана, а мне не нужен язык эпохи?

– А что тебе именно нужно?

– Ну, хотя бы какие-либо хроники того времени или близко того... Здесь даже летописей нет!

– Вон там, в углу, видишь мешок? Морской мешок. Там что-то есть.

Так началась моя работа. В мешке я нашел «дощечки»,

связанные ремнем, пропущенным в отверстия (два, как на фотоснимке «Влескниги»). Посмотрел я на них и онемел!.. Однако Изенбек не разрешил их выносить даже по частям. Я должен был работать в его присутствии. «Дощѣки» были приблизительно (подчеркнуто Миролобовым, как и в других местах ниже. – С.Л.) одинакового размера, тридцать восемь сантиметров на двадцать два, толщиной в полсантиметра. Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совсем испорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лак, их покрывавший, или же масло, поотстало, сошло. Под ним была древесина темного цвета. Изенбек думал, что «дощѣки» березового дерева. Я этого не знаю, так как не специалист по дереву.

Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой. Размер одних был больше, других меньше, так что «дощѣки» прилегали друг к другу неровно. Поверхность, вероятно, была тоже скоблена перед писанием, была неровна, с углублениями.

Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурым, потемневшим от времени, после чего покрыт лаком или маслом. Может, текст царапали ножом, этого я сказать не могу с уверенностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.